

Татьяна Янковская

КАТЕГОРИЯ ВОСТОРГА

Вениамин Смехов говорит, что у него четыре профессии: первая и главная – актер, вторая – режиссер. Третья связана с литературой (следствие того, что актером он был в любимовском театре), четвертая – путешествия. Благодаря своей четвертой профессии Смехов уже третий раз оказался у нас в Олбани, маленькой столице большого штата Нью-Йорк.

В этом году он представлял свою новую книгу «Театр моей памяти». Также называется и телевизионная программа, которую Вениамин с успехом ведет на российском телевидении уже несколько лет. Жизнь известного актера драмы и кино, как всегда, разнообразна – литературная работа, творческие вечера, в прошедшем сезоне – две оперные постановки в Мюнхене, весной будет ставить в Праге «Пиковую даму»... А в дополнение к этому – свой театр, на сцене которого оживают встречи, глаза, лица, события. В его книге – те, кого уже нет, но чье присутствие оставило глубокий след в памяти не только автора, который был связан с этими яркими людьми творческими и дружескими отношениями, но и всех нас, кто жил в России в последние сорок лет.

«Бывает иногда в театре такое стечение обстоятельств, – пишет Смехов в своей книге, – что полный зал разного народа живет единым дыханием, когда все как один счастливы и на всех – один смех, одна печаль, одни и те же ассоциации. Словно все играют в одну и ту же игру, у всех разом “ложится карта”, полная колода козырей, и все в крупном выигрыше». В картах, как и в жизни, так не бывает, а в театре бывает. Память возвращает события прошлого, позволяя заново пережить «любви счастливые моменты». Способ воспоминаний у каждого свой, и для актера и режиссера Смехова это, конечно, театр. «В театре моей памяти – избранные. Моим сердцем избранные. Вечно живые, вечно действующие лица». И какие живые! Вениамин не только рассказывает о своих героях, но и показывает их. Вот Елена Сергеевна Булгакова, когда в 1966 году ей приносят свежий номер журнала «Москва» с романом ее мужа, медленно опускается в кресло и говорит: «Это – неправда. Это – штучки Воланда». Воланд – любимая роль Смехова. Но далась она ему нелегко. Никак не удавалось почувствовать образ, найти внешние характеристики. И тут помогло знакомство с Николаем Робертовичем Эрдманом. Гениальный драматург, свидетель «серебряного века» русской поэзии и активный участник «золотого века» Театра на Таганке оказал большое влияние на молодого актера и начинающего писателя. А позднее – и на его Воланда. Снова и снова артист «возвращается к образу и глазам Н.Р.Эрдмана».

Вот перед нами Эрдман. «Фрачная осанка. Галантная скромность. Чувство собственного достоинства. И собственного – и каждого, кто его окружал... Он не умел говорить банальности. Чаще всего молчал или кивал головой. Лаконичный строй фраз, потаенный сарказм, смешанный с грустью... глубокий взгляд на собеседника, а главное, ты чувствуешь, что этот человек находится одновременно и здесь, и где-то еще, куда нам входа нет. Ощущение дистанции между ним и окружающими, дистанции, которая... рождена какой-то “ненашей” грустью или

мудростью – то есть очень естественна и “надчеловечна”... Ну, это уж больше о Воланде, чем об Эрдмане». Так у Воланда появился взгляд.

Но чтобы глубже погрузиться в образ, понять его изнутри, Вениамин обратился за советом к знакомым авторитетам. Одним из них был писатель Владимир Федорович Тендряков. Портрет его – один из самых удачных в книге. Тендряков в изображении Смехова – человек, обладающий огромной силой духа, широкими познаниями, «неуживчивый, но очень добрый, несговорчивый, но очень чуткий, беспокойный и трудолюбивый. Любая беседа с ним «через пять минут грозит превратиться в корриду». А как он азартен в шахматных баталиях! Вот он проиграл (что случается редко): «Ай-яй-яй! Ничего не поделаешь! Подожди, миленький мой... Так, ты так, я так... нет! А дело в том: зря я, как его, коня твоего брал».

Поражает эпизод, происшедший во время семинара молодых работников культуры. После встречи Тендрякова с молодыми прозаиками несколько человек обратились к Смехову за помощью – попросить писателя встретиться с ними еще раз, вне программы. К удивлению Вениамина, Владимир Федорович отказался. «Не понимаю!.. Ведь там было все, что нужно писателю: внимание, интерес, понимание...» Тендряков «ответил замечательно и непредсказуемо: “Восторга не было”...» Это запомнилось автору на всю жизнь. Категория восторга, по Смехову, – одна из важнейших и серьезнейших категорий живой эстетики. «И если “поверить алгеброй гармонию”, а наукой – эмоцию восприятия искусства, то... эту проверку счастливо проходят киинги и роли, дела и поступки, слова и фразы людей из театра моей памяти...»

Щедрость таланта и души объединяет всех, о ком рассказывается в книге. И волею автора разрозненные эпизоды связаны дорогой ему темой - Воланд, Таганка, Булгаков и его роман. «Мастер и Маргарита». Поэт и Муза. Владимир Маяковский и Лиля Брик. Тем, кто хоть немного знаком с творчеством Смехова, очевидно, как много он сделал и продолжает делать, чтобы вернуть России Маяковского – живого, а не мумию, говорящего во весь голос, а не наступающего на горло собственной песне. Он неизменно включает в свои программы стихи Маяковского. По его композиции был поставлен на Таганке спектакль «Послушайте!», где он играл роль поэта вместе с четырьмя другими актерами. Н.Эрдман назвал спектакль самым лучшим венком не могилу Маяковского.

Одним из главных даров судьбы Смехов считает «семь лет постоянного общения с домом и миром Лили Юрьевны Брик». Как чудо он описывает отважную попытку Лили Юрьевны спасти наследие поэта: «Оставшись одна в доме поэта-самоубийцы, среди его драгоценнейшего архива, холодея от приближения “карающего меча”, маленькая женщина пишет “письмо Сталину” и отвозит его в Кремль». Невольно напрашивается сравнение с полетом Маргариты на метле на бал сатаны. Сталин наложил резолюцию, провозгласившую Маяковского «лучшим и талантливейшим». В результате на многие годы поэта заковали в бронзу, «навели хрестоматийный глянец».

Удивительную, непохожую на другие фотографию подарила Лиля Юрьевна Вениамину. Ничего от «накрашенной, рыжей» героини «Флейты-позвоночника». Светлая улыбка на почти детском лице. Она ли «так поэта измучила»? Ей ли он писал «любит - не любит, я руки ломаю и пальцы разбрасываю, разломавши»?

Кстати, в книге много прекрасных фотографий. Особенно хороши снимки Валерия Плотникова: команда Воланда, портрет Андрея Миронова, Иннокентий Смоктуновский, осторожно, как драгоценность, прижимающий к себе дочь Машу...

На вечере в Олбани Веня читает «Скрипка и немножко нервно». Это – для меня. Он уже читал другое мое любимое: «Лиличка! Вместо письма». И давно знакомое стихотворение, прочитанное по соседству с «Хорошим отношением к лошадям», звучит по-новому. Неожиданно обнаруживается сходство сюжета: Кузнецкий мост, гогочущая толпа, кто-то гибнет, и поэт приходит на помощь. «Деточка, все мы немножко пошадим» - «Знаете что, скрипка, давайте, будем жить вместе, а?» С новой силой ощущаешь тему одиночества поэта.

Если портреты старших современников Смехова – это в какой-то мере взгляд из партера, то, показывая людей своего поколения, он сам оказывается на сцене среди них. Свет рамп – на его героях, но нет ощущения дистанции, которую дает разница в возрасте. И годы, прошедшие с момента ухода, ничего не меняют. С особым теплом и грустью Вениамин рассказывает о своем близком друге Юрии Визборе, популярном актере и авторе полюбившихся многим песен, который никогда «ничего не играл», был абсолютно естествен и в жизни, и на экране, и в песнях.

Долгое время Вениамин не решался писать о Владимире Высоцком, о шестнадцати годах, прожитых рядом – на сцене, в поездках, в дружбе и размолвках. Не хотел быть одним из хора наостривших перья после смерти всенародно любимого поэта, барда, артиста. Писать о Высоцком для него и радость, и рана. Но вот что важно: Смехов был одним из немногих, кто написал о Высоцком при его жизни. И Высоцкий видел эту публикацию в «Авроре». За день до смерти он сказал В.Плотникову: «Приятно о себе почитать... не на латинском шрифте».

Можно продолжать говорить о книге Вениамина Смехова, но лучше – прочитайте ее. Вы сможете встретиться с Давидом Самойловым, Андреем Мироновым, деликатнейшим Смоктуновским. Присутствовать при исполнении Окуджавой песни, посвященной Юрию Трифонову. Увидеть одно из последних интервью Влада Листьева. «Перелистать» вместе с автором театральные кулисы, услышать знакомые и незнакомые голоса, восхититься неожиданными поступками, вместе повалить дурака и посмеяться, испытать сожаление, боль, восторг – и «выпуклую радость узнавания».

сентябрь 1997 г.

Скенектэди

Опубликовано в газете «Панорама» №858, 17-23 сентября